
Алишер
ТАКСАНОВ
Возвращение
гоблина Марата

Алишер Таксанов

Возвращение гоблина Марата

«Автор»
2026

Таксанов А. А.

Возвращение гоблина Марата / А. А. Таксанов — «Автор», 2026

Вторая книга о гоблине Марате. На этот раз он служит оруженосцем у рыцаря. Занимается социологией. Воюет против инопланетян. Встречает Новый год. Катается на велосипеде. Посещает стоматолога. В каждой истории гоблин попадает в неприятные переделки, но выводы для себя не делает.

© Таксанов А. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Как гоблин Марат оруженосцем был 5
Телефонная жизнь гоблина Марата 18
Марат против инопланетян 24
Марат в компьютерной реальности 30
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Алишер Таксанов
Возвращение гоблина Марата

Как гоблин Марат оруженосцем был

У гоблина Марата не было работы. Он вообще не занимался никаким трудом, не знал ни одного ремесла и не испытывал ни малейшего желания чем-то полезным занять себя, заслужить почёт или уважение со стороны людей. Как существо Марат был злобным, тупым, хитрым и при этом удивительно безразличным ко всему, что не касалось его собственной выгоды: он мог часами сидеть и смотреть, как кто-то страдает, если только это не мешало ему пересчитывать свои деньги или жевать что-нибудь гадкое. Он ненавидел мир за то, что тот существовал без его разрешения, и людей за то, что они вообще имели наглость быть не гоблинами.

Единственное, что он умел по-настоящему, – это считать деньги и хранить их в тяжёлом, заколдованном сейфе, который стоял у него в доме как алтарь жадности. Да, ещё он умел колдовать, правда плохо и почти всегда неправильно: его заклинания вместо того, чтобы вредить другим, чаще взрывались у него в руках, превращали мебель в слизь или отращивали ему лишние уши, так что Марат регулярно страдал от собственных чар больше, чем его враги. Поэтому к нему никто не приходил ни за помощью, ни за советом, ни даже просто в гости. И сам гоблин никого не звал, потому что не желал видеть ни людей, ни зверей, ни магических существ.

И всё же однажды к нему пришли.

Гоблин сидел на своём пеньке перед домом и медленно жевал свежевыпеченную жабу в томатном соусе, жир капал ему на подбородок, а острые кости похрустывали между зубами. Он мечтал найти где-нибудь клад и стать ещё богаче, а значит, ещё жаднее, когда рядом остановился всадник. Это был человек в блестящих рыцарских доспехах, весь в царапинах и вмятинах, словно его недавно били чем попало и отовсюду. Он восседал на свиноконе – это была специально выведенная порода боевых скакунов, похожих на огромных вепрей с копытами: коротконогие, мускулистые, с клыками и налитыми кровью глазами, сильные, злобные и бесстрашные. Обычно на свиноконях воевали орки и тролли, потому что только им подчинялись эти твари, и потому Марат с удивлением смотрел на человека, который удерживал такого зверя, да ещё и сам был облачён в тяжёлый панцирь.

– Эй, ты, жаба! – высокомерно сказал незнакомец, направив в сторону гоблина копьё. – Ты слышишь меня?

Слово «жаба» вовсе не показалось Марату обидным. Напротив, он гордился тем, что по своей мерзкой и склизкой природе имел генетические корни в этом упрямом, живучем земноводном. На любое другое обращение он бы просто не отреагировал, но сейчас всадник, сам того не желая, назвал его чем-то почти уважительным, хотя, конечно, хотел унизить и подчеркнуть его ничтожный, по человеческим меркам, социальный статус.

– Чего тебе? – поинтересовался Марат, не переставая жевать. Он не собирался ради кого бы то ни было прекращать столь приятное занятие – жрать жабий бутерброд, намазанный кислым соусом и приправленный пеплом. То, что он вообще ответил, а не превратил незваного гостя в головастика, уже было с его стороны добрым делом. Для Марата не существовало понятий вроде сословий, титулов и званий: у гоблинов все гоблины равны, просто кто-то богаче, а кто-то глупее.

Последовал высокомерный, но при этом напыщенно-торжественный ответ:

– Я ищу дракона!

– Дракона? – брови Марата взлетели вверх. – Это ещё зачем?

Гоблины не любили драконов, потому что те обожали золото, как и они сами, но были в этом куда успешнее: драконы сжигали гоблинские логова, чтобы забрать их жалкие клады, считая гоблинов ворами своего законного богатства.

Рыцарь усмехнулся и посмотрел на Марата свысока:

– Ты, похоже, не понял, с кем разговариваешь?

– С кем? – безо всякого почтения спросил гоблин. Ему было глубоко безразлично, кто разъезжает по этим дорогам – король, герой или последний бродяга, всех он презирал одинаково.

И тогда незнакомец поднял копьё и, хлопнув щитом по морде свиноконя, торжественно произнёс:

– Так знай, я – Дон Хуан Мигель Тьфутаракань Паркентский, потомок самого Дон Кихота Ламанческого в сороковом поколении!

Дон Кихот был безумным, но благородным рыцарем, который сражался с ветряными мельницами, принимал их за великанов и всю жизнь пытался защитить слабых и обездоленных, даже если мир над ним смеялся.

– А кто это такой? – снова без особого уважения спросил Марат. Его уже начинала раздражать ситуация: этот незнакомец топтался возле его дома, пугал жабы и мешал сосредоточиться на чревоугодии, а главное – было совершенно непонятно, какого чёрта его сюда вообще занесло.

Похоже, незнание гоблином истории рыцарского движения ошеломило Дон Хуана Паркентского. Он застыл, потом с силой начал стучать копьём по своим латам, и жёсткий металлический звон разнёсся по всей округе, будто кто-то бил в пустые колокола, призывая духов глупости. Латы гремели, щит дрожал, а свиноконь недовольно переступал копытами, и рыцарь, запрокинув голову, возопил:

– О горе! Какая невежда сидит предо мной!

Слово «невежда» было вторым любимым словом Марата после «жаба». Оно казалось ему тёплым и даже почти ласковым, потому что подтверждало его полное равнодушие к знаниям и правилам этого мира. Гоблин с интересом посмотрел на рыцаря, причмокивая губами, запачканными томатным соусом.

– Да, это так, – с гордостью подтвердил свой статус невежды Марат.

И тогда рыцарь, окончательно убедившись, что перед ним существо безнадёжное, тяжело вздохнул и сообщил:

– Так знай, сын осла и барана, что Дон Кихот был великим рыцарем, победителем драконов и освободителем рабов от рабства! Об этом писал знаменитый Сервантес!

– А-а-а, – протянул Марат, который за всю жизнь не прочитал ни одной книги и толком не умел складывать буквы в слова. В его голове «Сервантес» тут же превратился в жирную жестяную банку с рыбными потрохами, чем-то вроде особо вонючих консервов, которые было бы приятно вскрыть и вылизать.

– Я – продолжатель дела моего прапра… короче, деда, я веду беспощадную борьбу с драконами! А это – мой Росинант Большой, – Дон Хуан Паркентский хлопнул по клыку свиноконя. – Настоящий Росинант сдох, не оставив потомства, и мне пришлось искать достойное животное, с которым я буду сражаться против драконов и прочих чудовищ. И я назвал его в честь той лошади, что была у Дон Кихота!

Свиноконь хмуро посмотрел на Марата и хрюкнул в знак приветствия, так, будто признавал в нём родственную мерзкую душу. Но гоблин понимал язык животных и услышал вовсе не приветствие, а что-то вроде: «Чего уставился, придурок?» Обижаться на такое было глупо, поэтому Марат только продолжил жевать, выплёвывая косточки жаб на землю.

Стояла жаркая, удушающая погода: воздух дрожал над землёй, пах пылью, тухлой травой и перегретой жижей из болот, и Марат её ненавидел, потому что в жару его слизь становилась особенно липкой. Разговор с рыцарем начинал его утомлять.

– Так что от меня ты хочешь?

Сам Марат удивлялся своему терпению: обычно он уже давно бы превратил такого гостя во что-нибудь съедобное.

– Я ищу драконов! – снова заявил Дон Хуан Паркентский.

– Зачем?

– Сражаться с ними!

– Зачем?

– Что зачем?

– Зачем сражаться с ними? Зачем искать неприятности? Драконы – животные злобные! Они у нас, гоблинов, ценности отнимают. А вас, людишек, в фарш перекручивают, огнём поджаривают и пожирают…

Вопрос застал Дон Хуана Паркентского врасплох. Он явно никогда не задумывался над этим и теперь растерянно покрутил головой, словно в ней застряла муха, пытаясь найти подходящий ответ. В это время Росинант Большой, совершенно не смущаясь, выложил перед пнём большую, дымящуюся кучу дерьма, от которой сразу потянуло тёплым, сладковато-едким запахом. Мухи тут же налетели, закружились над свежим испражнением густым чёрным облаком. Марат такие запахи обожал, а мух – ещё больше, поэтому вовсе не оскорбился, а наоборот, начал ловить их липкими пальцами и засовывать в рот, хрустя ими в прикуску к своему жабьему бутерброду.

– Так требует долг рыцаря! – наконец-то нашёлся всадник.

– А за этот долг платят?

И опять вопрос застал Дон Хуана Паркентского врасплох. Его лицо вытянулось, под шлемом зашевелились брови, будто две испуганные гусеницы, а мысли начали метаться и сталкиваться друг с другом, не находя выхода, потому что особым интеллектом он действительно не обладал: в его голове прекрасно уживались только понятия «вперёд», «враг» и «бей», всё остальное вызывало боль, сравнимую с зубной.

– Нет, у таких долгов нет финансовых обязательств! Мы делаем это бескорыстно! – ответ показался самому всаднику важным и возвышенным. – Мы люди благородной крови!

Для гоблина не было различий в крови – крысиная она или человеческая, всё было одинаково приятно пить.

– Тогда пустая трата времени! – махнул рукой Марат, окончательно теряя интерес к рыцарю. – Я бы даже утруждать себя этим не стал…

Но Дон Хуан, уязвлённый таким пренебрежением, резко выпрямился в седле и произнёс:

– Но всё, что захватит рыцарь у врага, принадлежит ему! – ему отчаянно хотелось доказать, что и у рыцарей бывают ощутимые выгоды. Однако даже произнося это, он думал не столько о богатстве, сколько о славе, потому что для таких, как он, имя, прокричанное в песнях и легендах, стоило дороже золота: слава оставалась навсегда, а деньги утекали в ближайшей таверне, превращаясь в вино, шлюх и головную боль.

Тут Марат насторожился и даже перестал жевать.

– А что именно?

Дон Хуан Паркентский самодовольно улыбнулся.

– Драконы обычно богаты. У них много всего…

– А что именно? – зевнул гоблин.

– Золота! – убеждённо сказал рыцарь. – Серебра тоже! И изумрудов! Рубинов и негранёных алмазов! Драконы скупые, они хранят у себя всё это.

Марат и сам был скупым и считал это добродетелью, но обмануть его было трудно. Он внимательно оглядел гостя и не нашёл на нём ни малейшего признака богатства: ни золотых цепей, ни колец, ни драгоценных камней. Даже доспехи выглядели так, будто их собирали по свалкам – скреплённые ржавыми болтами, местами подтянутые проволокой, с вмятинами и следами старых ударов.

– Не верю, – лениво буркнул Марат.

Рыцаря это взбесило.

– Ах ты, выродок! Как ты смеешь сомневаться в словах дворянина! Я великий идальго, человек чести и слова! Сказанное мною не подлежит сомнению, иначе это кровное оскорбление! Я могу вызвать тебя на дуэль!

Кто такой дворянин и идальго Марат не знал, зато слово «выродок» среди гоблинов считалось почти комплиментом. А что такое «дуэль», он тоже не понимал, поэтому просто ответил мощным, влажным пуком. Кишечный газ мгновенно умертвил всех насекомых в радиусе пяти метров, и они посыпались на землю, как чёрный дождь. Свиноконь, учуяв эту волну вони, захрипел, задёргал пятачком и едва не блеванул прямо на Марата, отшатнувшись с таким видом, будто его пытались отравить боевым газом.

– Да, я выродок! – с гордостью ответил Марат. – Причём самый мерзкий и жлобный!

– Так почему ты не веришь?! – вопил Дон Хуан Паркентский, размахивая копьём так, будто хотел заколоть сам воздух.

– Не вижу результатов, – спокойно пояснил гоблин, ковыряясь в ухе косточкой от жабы. – Ты нищий, как церковная крыса.

Рыцарь, конечно, понял, куда клонит этот болотный философ. Свиноконь был навьючен всем, что полагалось для дальнего похода: котлы, мешки с сухарями, запасные подковы, фляги, свёртки с тряпьём, мотки верёвок и даже запасной шлем для особо торжественных случаев, но нигде не было ни мешочка с золотом, ни сундука с драгоценностями – лишь унылая утилитарная бедность вечного странника.

– Э-э-э, понимаешь, я всё отдавал своему оруженосцу Санчаро Пончаросу де Маразмо. Он носил добычу.

– И где же он?

– Он отошёл от ратных дел. Получив большие деньги, он решил больше не странствовать и не покорять драконов, – с обидой в голосе сказал Дон Хуан Паркентский. – Купил себе фабрику и стал капиталистом. Отрастил живот и теперь сидит в кабинете под кондиционером.

Марат поковырялся в носу, вытащил оттуда что-то зелёное и задумчиво размазал по пню. Фабрика показалась ему странной идеей – зачем вкладывать золото во что-то, что могут сжечь, отнять или обложить налогами, если можно просто сидеть на нём и любить его всем сердцем, как родную жабу.

– Правильно, – изрёк он.

– Но я остался без оруженосца! – взвыл рыцарь. – И мне стыдно воевать с драконами в одиночку!

Свиноконь захрипел и зло дёрнул головой, словно буркнул: «Ты совсем свихнулся, хозяин?», но Дон Хуан, впившись шпорами в его бронированные бока, заставил зверя смириться и замереть, гулко фыркая.

– А этот… Санчаро… он воевал? – уточнил Марат.

– Нет. Он стоял рядом и подавал мне оружие, чтобы я мог сражаться с драконом. Не дело оруженосца – лезть под пули, штыки и мечи. Когда дракон был побеждён, оруженосец забирал себе всю добычу. Ему – деньги, мне – слава!

И в этом порядке вещей Марат услышал нечто по-настоящему гармоничное, как музыка сейфа, захлопывающегося на полный мешок золота.

– Это мудро! – прошипел он, и перед его мутными глазами поплыли видения: сундуки, бочки, груды самоцветов, которые стройными рядами залетают прямо в его сейф. Сладкие, жирные мечты.

Дон Хуан Паркентский прищурился и внимательно посмотрел на гоблина.

– Хе… тебе нравятся деньги?

Вопрос даже удивил Марата, потому что жизнь без денег для него была всё равно что жаба без слизи – вроде и существует, но смысла никакого.

– Конечно!

Хитро улыбнувшись, рыцарь вдруг сказал:

– А хочешь стать моим оруженосцем?

– А это мне зачем?

– Тебе – деньги, мне – слава!

Идальго действительно нажал на нужные кнопки. Марат так заинтересовался, что перестал не только ловить жирных навозных мух над кучей дерьма, но даже забыл жевать свой жабий бутерброд, уставившись куда-то в светлое будущее, набитое сундуками.

– То есть вся добыча, что ты получишь, убив дракона, станет моей? – уточнил он. – И ты не будешь на неё претендовать?

– Слово дворянина! – торжественно заявил Дон Хуан Паркентский. – Слово идальго!

Спрыгнув с пенька, Марат деловито протёр липкие от жабьего соуса ладошки и заявил:

– Хорошо, я согласен. Я буду твоим оруженосцем!

Однако Дон Хуан Паркентский вдруг нахмурился, будто вспомнил какую-то крайне важную часть ритуала.

– Подожди, а где твой ишак?

– Какой ишак?

– У оруженосца должен быть ишак, чтобы возить моё оружие и следовать за мной. Не идти же тебе пешком! И мне, как дворянину, будет стыдно, если мой оруженосец не имеет хотя бы ишака или пони, на худой конец!

Слова рыцаря звучали разумно, и Марат задумался, почесывая за ухом. Ни одно животное в округе не хотело бы, чтобы на нём сидел гоблин, пахнущий болотом, газами и прокисшей магией. Все звери знали: под Маратом или тебя проклянут, или заставят жрать тараканов, или забудут кормить из чистой жадности.

Сначала Марат подумал о медведе Храпуне, но тут же вспомнил последнюю встречу у пасеки. Тогда гоблин, хихикая, читал медведю издевательские стихи про его лысеющую задницу и короткие лапы, за что Храпун разорвал ему штаны и чуть не откусил ногу, рыча так, что осыпалась кора с деревьев. Нет, этот ишак точно не подойдёт.

Зайца Коврижку Марат тоже отбросил: тот был слишком тощий и нервный, чтобы таскать гоблина. Страус Хемипая однажды дал Марату такого пинка, что тот сутки икал жабьими пузырями. А бобёр Вырзя вообще пообещал снести гоблинскую хижину плотиной, если Марат ещё раз полезет в его речные владения воровать кору и рыбу, которую гоблин пытался засолить для закуски.

Выбора не было.

Но возможность стать богаче гнала Марата вперёд, как запах тухлых яиц к мухам. Он прошептал кривое заклинание, прикусив язык, щёлкнул пальцами так, что в воздухе проскакинули зелёные искры и запахло палёной плесенью, – и из его жилища с грохотом вылетел старый деревянный стул, с обломанной ножкой, облупленной краской и засаленным сиденьем.

Стул дрожал, скрипел, но упрямо повис в воздухе, как подвешенный за невидимую верёвку.

– Это мой ишак! – гордо объявил Марат и плюхнулся на него. Стул опасно накренился, но магия удержала его, и он застыл, покачиваясь, словно пьяная муха.

Дон Хуан Паркентский моргнул несколько раз, хотел было возразить, но потом решил, что это не его дело. В конце концов, он сам ездит не на коне, а на свиноконе, так почему же оруженосец не может ездить на летающем стуле? Главное, чтобы соблюдалась форма.

– Ладно, сойдёт, – буркнул он и, пришпорив Росинанта Большого, крикнул: – Вперёд, мой оруженосец, вперёд!

– Лечу, лечу за вами! – радостно завопил Марат, и его стул начал носиться вокруг рыцаря, делая кривые петли и спирали, точно жирная муха над свежим навозом.

Дон Хуан поднял взгляд к небу и спросил:

– Кстати, мой верный слуга, как зовут тебя?

– Марат!

– Марат?.. – рыцарь задумался. – Слишком коротко для оруженосца. Назову-ка я тебя Перпетуум Мобилайн Маратус Петикантропус!

Марат равнодушно кивнул. Его совершенно не волновало, как его называют. В его голове уже громыхали сундуки, звенели монеты и шуршали самоцветы, и на фоне этих сладких звуков любое имя было всего лишь пустым шумом.

– А где драконы, Перпетуум Мобилайн, ты знаешь? – спросил Дон Хуан Паркентский, оглядываясь. Над его шлемом роились мухи, но идальго их не замечал.

Марат знал. Он не раз видел, как чёрные туши драконов, лениво описывая круги над городом, уходили на посадку за далёкую северную гряду, где воздух всегда был тёплым и пах серой и палёным мясом. Там, за горами, небо казалось темнее, будто его подкоптили гигантским факелом. Гоблин вытянул кривой палец и ткнул им в сторону холодного, синеватого горизонта.

– Там, – коротко сказал новоиспечённый оруженосец.

– Вперёд! Вперёд! На бой во имя славы! – заорал рыцарь и погнал Росинанта Большого по равнине.

Свиноконь нёсся, как разъярённый кабан, и шесть его копыт выбивали из сухой земли такие тучи пыли, что они поднимались столбами и на мгновение заслоняли солнце, превращая мир в жёлто-серое марево. Земля дрожала, камни подпрыгивали, а воздух наполнялся хриплым сопением зверя и скрежетом доспехов.

– Вперёд, во имя сокровищ! – подхватил Марат и полетел рядом.

Ветер свистел в его ушах, бил по щекам, птицы в ужасе шарахались в стороны, а какой-то несчастный голубь от страха нагадил прямо на лысый затылок гоблина. Марат только довольно хмыкнул – запах был приятный.

Так они неслись почти полчаса, пока не вылетели к развилке дорог. Оттуда открывался вид на деревню – серые, перекошенные домики с соломенными крышами, огородами, где копались согбенные крестьяне, и дымками из труб, пахнущими сырыми дровами и капустой.

Дон Хуан Паркентский натянул поводья. Росинант Большой всхрипнул и встал как вкопанный, так резко, что Марат на своём летающем стуле едва не врезался в зад рыцарского панциря.

– Вот, вот он, дракон! – заорал рыцарь торжественным голосом.

Марат закрутил головой, но дракона не увидел.

– Готовимся к бою, мой оруженосец! – продолжал Дон Хуан, вытаскивая из ножен длинный меч с зазубренным лезвием, весь в пятнах старой ржавчины и засохшей крови, с потемневшей рукоятью, обмотанной потрёпанной кожей.

– Но где дракон? – в недоумении бормотал Марат.

– Так вот он же, мой слепой слуга! – раздражённо рявкнул Дон Хуан Паркентский и ткнул копьём влево.

Повернувшись, Марат увидел мельницу – огромное деревянное сооружение с пятью крыльями, которые лениво вращались под напором ветра. Шестерни внутри скрипели, жернова

глухо гудели, перемалывая золотистые зёрна пшеницы в белую муку. Крылья разрезали воздух, словно медленные, но мощные лапы чудовища.

Любой инженер назвал бы это аэродинамическим аппаратом, выполняющим механическую работу за счёт энергии воздушных потоков. Но ни Дон Хуан, ни Марат таких слов не знали. Гоблин не читал книг, а рыцарь – тем более, и поэтому оба не ведали, что в мире людей такие мельницы часто принимают за чудовищ только безумные идальго, прославившиеся на весь свет именно этим.

– Но это же мельница… – прошептал Марат.

Свиноконь фыркнул: «Ну ты, гоблин, и дурак! Ничего ты не понимаешь в рыцарстве!»

Дон Хуан Паркентский с презрением посмотрел на оруженосца:

– Слуга мой, Перпетуум Мобилайн! Все драконы умеют маскироваться! Ты видишь мельницу. Я – дракона, поджидающего добычу!

Марат покорно пожал плечами:

– Хорошо, дракон так дракон. Пускай им будет мельница!

В глубине души он даже решил, что это вполне может быть заколдованный дракон, превращённый в деревянное сооружение за какие-нибудь старые грехи. Но его волновало совсем другое.

– А у него есть сокровища?

– Конечно, они спрятаны в подвалах!

Марат сразу в это поверил. Не мог же прежний оруженосец Санчаро Пончаросу де Маразмо разбогатеть из воздуха. Значит, под мельницей действительно должны быть сундуки, битком набитые золотом, камнями и прочими приятными вещами. В воображении гоблина уже открывались люки, из которых сыпались монеты, катились изумруды и текли целые ручьи серебра, прямо в его сейф, словно по волшебным трубам.

– Вперёд, вперёд! – заорал Дон Хуан Паркентский и ринулся в атаку.

Свиноконь захрипел от восторга, разинул пасть, показав клыки, и помчался на мельницу, как на заклятого врага. Сам рыцарь размахивал мечом так яростно, что при каждом взмахе воздух вокруг лезвия темнел, словно обгорал, оставляя за собой полосы чёрного дымка. С воздуха его было легко узнать именно по этим рваным следам, как по хвосту кометы.

Марат летел на своём стуле в десяти метрах от него и тоже орал во всё горло – не потому, что хотел сражаться, а потому что так, по его мнению, полагалось поддерживать хозяина и заодно пугать «дракона». Ему казалось, что чем громче вопли, тем больше золота у противника, и он старался изо всех сил, надрывая глотку.

Они приблизились к белокаменной мельнице, внутри которой скрипели и гудели шестерни, тяжёлые колёса, пружины и жернова – там кипела работа, перемалывались зёрна, дрожали балки, и вся конструкция жила своей механической, глухой жизнью.

Дон Хуан Паркентский нанёс первый удар. Одно из крыльев с треском разлетелось, куски дерева и полотна посыпались на землю. Лезвие меча высекало искры, скользя по каменной кладке, и каждый удар отзывался в мельнице глухим, будто бы животным стоном.

Это было по-своему величественное зрелище: рыцарь рубил «дракона», свиноконь дико ржал и бил копытами, а Марат носился вокруг, свистел, кричал и махал руками, словно жирная муха над огромной кучей навоза.

И тут дверь мельницы распахнулась. В проёме появился ошеломлённый мужчина в белом, запачканном мукой фартуке, с растрёпанными волосами и серым от пыли лицом. Он смотрел на рыцаря, свиноконя и летающего гоблина так, будто увидел конец света. Его губы беззвучно шевелились, словно он на миг разучился говорить.

Наконец его прорвало:

– Эй, вы, идиоты! Что вы делаете?! Вы разрушаете мою мельницу!

– Это слуга дракона! – заорал Дон Хуан Паркентский Марату. – Мой слуга Перпетуум Мобилайн, приказываю тебе его убить!

Но убивать кого-то не входило в планы Марата. Ему обещали совсем другую работу – стоять в стороне и получать деньги. Он затормозил в воздухе, смешно болтая ногами, и его летающий стул опасно качнулся, едва не свалившись вниз.

– Я не воюю, хозяин, ты сам сказал, – напомнил он, на всякий случай отлетая подальше.

– Ах, да! – вспомнил Дон Хуан Паркентский и, величественно выпрямившись в седле, повернулся к мельнику. – Уходи, пока я дарую тебе жизнь! Оставь меня наедине со своим хозяином – драконом!

Он произнёс это с таким видом, будто только что подписал указ о помиловании целого королевства: подбородок задрал, грудь выпятил, а меч поднял так, словно собирался благословить несчастного на новую, свободную жизнь.

И тут мельник вдруг прищурился.

– А-а-а… так ты же этот идиот, который разрушает мельницы! О тебе по телевизору часто говорят! Я видел, что ты натворил в Испании, Греции, России!

– Слава всегда впереди меня! – гордо ответил Дон Хуан Паркентский. – И всё же, простолюдин, я дарю тебе освобождение от дракона! Можешь уходить прочь! А твоего хозяина я сейчас убью!

Но мельник вовсе не собирался уходить. Он заорал, повернувшись к деревне:

– Люди! Люди! Идиот-рыцарь пришёл! Этот дурак Дон Хуан «Разрушитель»!

И будто по сигналу из домов посыпались жители. Они шли плотной толпой, с перекошенными злыми лицами, размахивая ружьями, топорами, вилами, дубинками. Кто-то тащил маленькую пушку на колёсиках, скрипящую, как старая телега. Вся эта процессия напоминала не деревенских крестьян, а армию, вышедшую на охоту за особо вредным зверем.

– Бей этих идиотов!..

– Мы покажем этому «Разрушителю»!..

– Нечего нас без муки оставлять!..

– Психов развелось по белу свету!..

– Накостыляем этим чужеземцам!..

Крики, ругань, топот сапог и копыт слились в одно гулкое, угрожающее рычание.

– Стойте, люди! – закричал Дон Хуан Паркентский. – Я пришёл освободителем! Вы были в плену у дракона! Но я спасу вас!

Его слова тонули в ярости толпы. Люди теснили его, отталкивали от мельницы, пока не сомкнули вокруг плотное кольцо. Лучники натянули тетивы и навели стрелы на парящего гоблина. Даже свиноконь замолчал, опустив уши и тяжело дыша. Воздух стал густым, как перед грозой.

Марат мгновенно понял, что это не та сцена, где платят золотом. Это была сцена, где платят стрелами.

Он прошептал заклинание и исчез, оставив в воздухе лишь лёгкий хлопок и запах серы. В следующее мгновение он уже стоял у себя дома, возле сейфа. И тут мимо того места, где секунду назад была его голова, пронёсся свист – это пролетела стрела, промазавшая совсем чуть-чуть.

Через пару дней лесная сорока, местная репортёрша, прилетела к его окну и затараторила, что в соседней деревне жители поймали Дон Хуана Паркентского, прозванного в прессе «Разрушителем мельниц», намяли ему бока, отняли оружие, а свиноконя пустили на колбасу. Сам идальго теперь лежит в больнице, весь загипсованный, и в бреду орёт, что его предал оруженосец. Обещает, как только выздоровеет, найти некоего Перпетуума Мобилайна и выпустить ему кишки за измену.

Марат, выслушав всё это, только довольно хмыкнул и запер сейф на дополнительный замок.

С той поры он больше никогда не нанимался ни к кому на работу.

И, как любая по-настоящему гнусная сказка, эта история заканчивается тем, что гоблин Марат стал ещё жаднее, ещё осторожнее и ещё мерзее – и именно поэтому прожил дольше всех честных, смелых и благородных.

(17 июля 2019 года, Элгг)

Марат в обсерватории

Прогуливаясь по ночному городу, где мокрый асфальт отражал редкие фонари, как тусклые жёлтые звёзды, а узкие улочки тонули в сизом тумане, гоблин Марат с неудовольствием отметил, что прохожих нет и все дома, магазины и предприятия заперты, будто город вымер. Тёмные витрины глядели пустыми глазницами, вывески покачивались на ветру, скрипя и постанывая, и даже крысы, обычно такие общительные, куда-то попрятались.

«Нашли время спать», – сердито шептал он, рыская по переулкам и подворотням, надеясь, что кто-нибудь всё-таки шастает, чтобы можно было его напугать, обмануть или просто испортить настроение. Пару раз ему попадались бродячие собаки: грязные, ребристые, с жёлтыми глазами. Они рычали, лаяли и пытались вцепиться гоблину в икры, брызгая слюной и скаля зубы, но Марат либо превращал особенно наглых в мраморные статуи с застывшими оскалами, либо просто телепортировался прочь, оставляя животных кусать пустоту.

Одна такая телепортация забросила его на окраину, к какому-то странному зданию. Дверь оказалась незапертой, а изнутри лился тусклый, жёлтоватый свет, похожий на свет старой лампы под пыльным абажуром. Марат довольно хмыкнул и вошёл, предвкушая, как сейчас устроит хозяевам настоящий бедлам.

Но это было не жильё. Внутри стояли огромные механизмы, сложные приборы, ящики с инструментами и толстая труба, уходящая одним концом в раскрытую крышу и дальше – в ночное небо. У другого её конца, где были окуляры и колёсики настройки, сидел пожилой мужчина в длинном халате, с белоснежной бородой и в мягком колпаке. Лицо у него было доброе, морщинистое, а глаза блестели, как у ребёнка, глядящего на фокус.

Марата это нисколько не смутило – бузить он мог где угодно, хоть в детском саду, хоть в университете, хоть в военной казарме. Он уже прикидывал, что бы здесь разбить или испортить, как старик опередил его. Тот поднялся и пошёл навстречу гоблину с таким радостным выражением, будто встретил старого друга.

– О, дорогой гость, только вы откликнулись на моё предложение? Мне очень приятно, очень…

Марат понятия не имел, о чём речь, но на всякий случай кивнул:

– Да! Как бы только я…

– Увы, астрономией сейчас мало кто интересуется, – вздохнул старик. – На моё объявление в газете почти никто не откликнулся. «День открытого неба» – звучит красиво, но людей больше волнуют земные темы: биржа, курсы акций, демпинги, тарифы…

Гоблин не понял ни слова и потому просто поддакнул:

– Ага…

– Меркантильные интересы, – с горечью покачал бородой учёный. – Деньги, золото, алмазы, собственность…

Марат встрепенулся, как будто его укусили.

– Золото – это хорошо, – с воодушевлением сказал он. – Мне тоже нравятся золотые монеты. Серебряные тоже! Даже бронзовые годятся…

Астроном посмотрел на него укоризненно:

– Вот люди ищут золото и бриллианты на земле, а ведь там, в космосе, их полным-полно!

– Золота? – не поверил гоблин. – В небе? Да не может этого быть!

– Может, может, – уверял его старик, загадочно улыбаясь.

– Так как в небе могут быть золото и драгоценные металлы? – усмехнулся Марат. – Небо-то пустое! Там только воздух и тучи!

Учёный вздрогнул, будто его только что ударили по лицу. Брови его сошлись, борода дрогнула, а в глазах мелькнула смесь обиды, боли и научного негодования, словно кто-то только что заявил, что вся его жизнь была зря.

Он резко указал на огромную трубу.

Это был телескоп – длинный, чёрный, на тяжёлой металлической монтировке, с колёсиками, рычагами, винтами точной наводки, с кабелями, уходящими в приборы, и стеклянными окулярами, поблёскивающими, как глаза механического чудовища. Его массивная «пасть» была направлена прямо в раздвинутую крышу здания, где между облаками виднелось звёздное небо.

– Это телескоп, – отчеканил он. – С его помощью мы наблюдаем небесные тела: звёзды, туманности, галактики, астероиды, планеты, чёрные дыры. И находим много интересного для науки!

– Так вы увидели золото? – недоверчиво прищурился Марат.

Учёный хмыкнул, жестом пригласил гоблина подойти, принялся крутить ручки, что-то щёлкало, скрипело, линзы внутри трубы двигались, перестраиваясь, как глаза живого существа.

– Можете взглянуть.

Марат подозрительно посмотрел на окуляры, словно опасался, что оттуда выскочит что-нибудь и укусит его за нос. Но любопытство взяло верх, и он наклонился, прижав лоб к холодному металлу.

Перед ним развернулось бездонное звёздное поле. Миллионы огоньков, мерцающих, переливающихся, а среди них – огромная, яркая точка, сверкающая всеми цветами радуги, будто драгоценный камень, поймавший солнечный луч.

– Это алмазная планета, находящаяся в созвездии Рака, – сказал астроном. – Весьма интересный объект, уверяю вас.

– Созвездие Рака? – удивился Марат. – Какое смешное название. А есть, может, созвездие Рыбы?

– Есть и созвездие Рыбы!

Марат захохотал.

– Ха-ха-ха! Может, скажете, есть созвездие Льва? Или Тельца?

– Да, есть!

Гоблин согнулся от смеха, схватившись за бока, и даже его уши задрожали от веселья.

– Может, ха-ха-ха, и созвездие Мухи?

– Тоже есть!

– И Дракона? И Пса? Или ещё Медведя?

– Да, есть Большие Гончие Псы, и Большая, и Малая Медведицы! – горячо подтвердил старик. – Я говорю серьёзно! И ещё миллиарды звёзд и созвездий, у которых даже нет названий!

Насмеявшись, Марат снова уставился в окуляры.

– Так это… алмаз? – пробормотал он, не в силах оторваться от сверкающей точки.

– О да, – оживился астроном. – Масса этой экзопланеты, известной как 55 Cancri e, в восемь раз больше Земли, а её размер – примерно вдвое больше. И примерно на треть она состоит из алмазов. Если попытаться оценить стоимость её недр, то получится несколько десятков нониллионов долларов.

– Сколько-сколько? – ошарашенно переспросил Марат.

– Такие суммы даже трудно выразить в земных деньгах, – признался старик. – Человечество никогда не печатало столько денежной массы.

Гоблин стал чесать затылок, его пальцы цепляли редкие волосы, глаза блестели от жадности:

– О-о, если я присвою себе планету, то стану самым богатым гоблином на Земле! Это очень хорошая идея! Астрономия, оказывается, может сулить большие богатства! Главное – первым ими завладеть!

Он думал исключительно о деньгах: все его мироощущение измерялось золотыми монетами и драгоценностями. Любовь была ценной лишь в пересчёте на сокровища, страх – на возможные потери прибыли, смерть – на стоимость наследства. Даже страх перед магами или опасными существами оценивался по цене ущерба, который они могут нанести его имуществу.

– А как вы присвоите себе планету? – удивился астроном. – Она в миллиардах и миллиардах километров от нас, до неё не добраться!

– А магия? – усмехнулся Марат, задирая подбородок. – Я умею перемещаться на расстояния!

Но старик только покачал головой:

– Увы, магия на такие расстояния не имеет силы! Ваша телепортация возможна не дальше Плутона. То есть вы не долетите даже до Облака Оорта!

Гоблин не имел ни малейшего представления, что такое Плутон и Облако Оорта, но понял главное: до алмазной планеты ему не добраться. Злость разлилась по телу, как бурлящая лава, и он, не удержавшись, сплюнул прямо под ноги астроному:

– Тогда ваша наука – ерунда! Бесполезная вещь! Зачем мне алмаз, который не взять и не положить в мой сейф.

– В ваш сейф не поместится алмаз, который больше нашей Земли! – строго возразил ученый.

– Всё равно! – Марат снова сплюнул, и поток слюны с глухим плюхом ударил прямо в ботинок старика.

Пожилой астроном молча вытер обувь, поправил очки на бороде и с лёгким вздохом сказал:

– Почему же, астрономия создаёт основу для практических проектов! Например, добычи полезных ископаемых на астероидах.

Гоблин закинул ногу на ногу, фыркнул и скривился:

– Каких ещё астероидов?!

– Это небесные камни! – сказал ученый и показал на карту, где между Марсом и Юпитером плавали сотни миниатюрных серых точек – астероидов, разных размеров, от маленьких булыжников до огромных глыб.

– Вот ещё, буду я интересоваться какими-то булыжниками, ха-ха-ха! – рассмеялся Марат. – У меня у дома тысяча таких астероидов!

Но астроном прищурился и, заметив интерес гоблина, выдал новую информацию, держа карту ближе:

– Есть такой астероид «16 Психея».

– И что? – скептически поднял брови Марат, но уже приподнялся на стуле.

– Это единственный в Солнечной системе полностью металлический астероид, диаметром 252 километра. Он состоит из железа, никеля, платины, меди и золота.

Глаза гоблина расширились, руки сжали края кресла, а он даже слегка приподнялся:

– Золота? – проглотил слюну Марат. – Даже больше, чем в моём сейфе!

– Да! – решительно кивнул профессор. – По самым скромным оценкам только запасы железа можно оценить в десять тысяч квадриллионов долларов.

– А это сколько? – глаза гоблина округлились, пальцы он начал теребить в привычной манере: считал по десяти на каждой руке, потом подключил пальцы ног, потом нос, потом уши. Всё равно цифры не укладывались в его голове, будто какой-то ковер из чисел свалился ему на мозг. Он щёлкал пальцами, дергал носом, морщился и иногда тихо ругался – такой способ подсчета был для него одновременно привычным и мучительным.

– Ну… квадриллион – это миллион миллиардов, – терпеливо пояснил старик, трогая длинную бороду. – Считается, что астероид «16 Психея» – это оставшееся железное ядро планеты, лишенное мантии в гигантском катастрофическом столкновении на раннем этапе существования Солнечной системы.

Марат решительно выпрямился, глаза блестели:

– Так астероид в нашей Солнечной системе?

– Да… а что? – астроном напрягся, почуяв, куда клонит гоблин.

– Тогда я лечу к нему! – Марат поднял руки, заговорил заклинание, и воздух вокруг него заискрился. Он был готов телепортироваться к «16 Психее», невозмутимо игнорируя космический холод и отсутствие воздуха – его организм был совсем не такой, как у человека.

– Ой, этого нельзя делать! – вскричал астроном, бросаясь к гоблину. – Если вы металл с астероида даже частично перенесете на Землю, мировая добывающая индустрия рухнет! Люди лишатся работы, заводы разорятся, экономика войдет в состояние коллапса! Цены на золото упадут в тысячи раз, оно обесценится!

– А мне всё равно! – ответил Марат, абсолютно серьёзно. – Главное, у меня будет золото! А золото даст мне благополучие и спокойствие!

– А зачем вам золото, которое никому не нужно? – не унимался астроном. – К тому же на вас устроят охоту! Миллионы богачей, лишившихся финансовых активов, простые люди, орки, гоблины, волшебники, драконы – все будут искать вас, чтобы убить! Вы ввергнете всех в нищету, и от вашего несметного богатства вы не получите ни удовольствия, ни покоя!

Марат замер, слегка покачал головой, глаза сузились, а рот приподнялся в привычной ухмылке. Он не ожидал такого поворота событий и чувствовал, как его охватывает лёгкое раздражение: «Вот это да… а я хотел просто золота!»

Он подошёл к трубе телескопа и пнул её ногой так, что она слегка задрожала и заскрипела:

– Тогда толка нет от вашей астрономии! Бесполезный телескоп!

– Прошу не оскорблять меня и мою науку! – рассердился астроном, прижимая очки и бороду.

Марат фыркнул, расправил руки и уже начал придумывать новые планы: ведь если нельзя взять «16 Психею», можно поискать что-то поменьше… но всё равно ценное. И глаза его снова заблестели.

Ради забавы Марат лениво щелкнул пальцем, и старик мгновенно превратился в рака: панцирь блестел красным, клешни неуклюже дергались, а глаза словно на червячках выдвинулись по сторонам. Старик-рак пытался что-то промычать, но из рта вырывались лишь булькающие звуки, и Марат, скрестив руки, наблюдал за этой забавной метаморфозой с ухмылкой.

– Теперь ты как созвездие, – хмыкнул гоблин, покачивая головой. – Съел бы я тебя, но раки – не моя пища, у меня изжога от них!

Он вышел из обсерватории, весело фыркнув и щелкнув пальцами ещё раз, чтобы старик вернулся в человеческий облик лишь через два часа, когда Марат уже далеко скрылся в переулках города. Солнце давно ушло за горизонт, а Марат бродил по пустынным улицам, довольный собой. Наука и звёзды больше не волновали его; теперь его интересовали лишь простые удовольствия: вкусная еда, тёплый сейф с золотом и возможность проделывать свои мелкие пакости.

Так Марат остался один, довольный своей жизнью, но с секретной мечтой – когда-нибудь найти способ реально заполучить хоть одно небесное сокровище. А пока он просто наслаждался каждым днём, смеялся над людьми и учёными, ел своих любимых жаб и тараканов, охотился за мухами и ни с кем не делился своим счастьем.

И с тех пор Марат стал легендой среди ночных улиц: никто не знал, где он появится завтра, и никто не мог предугадать его шалости. А гоблин с тех пор уже не мечтал о драконах и алмазных планетах – ведь для него самой большой радостью была свобода и полный сейф, дающий ощущение власти над миром.

Так закончилась история Марата – злого, хитрого, ленивого, но счастливого гоблина, который доказал себе: не обязательно лететь к звёздам, чтобы чувствовать себя самым богатым и довольным существом на Земле.

(14 июня 2019 года, Элгг)

Телефонная жизнь гоблина Марата

Гоблин Марат не любил никого. Особенно гостей. Если уж говорить честно, к нему в гости почти никто и не ездил. Изредка лишь случайные прохожие досаждали – те самые, что шли мимо и, увидев домик, просили воды напиться. Марат воду им всё равно не давал: он высовывался из-за двери, скалил желтые зубы и сипло шипел, что превратит их в лягушек, жаб или, в особо плохом настроении, в болотный ил. Обычно этого хватало: люди бледнели, бормотали извинения и спешно ретировались, унося с собой сухие глотки и испорченное настроение.

Но были и незваные визитёры, с которыми особо не поспоришь. Чаще всего это были полицейские с проверкой документов или налоговые инспекторы, приходившие выклянчить деньги в государственную казну. Ни те, ни другие положительных результатов не достигали, но гоблин с ними и не ссорился, прекрасно понимая, что подобные конфликты могут выйти ему боком. Он поступал куда хитрее: как только на пороге появлялись люди в форме, Марат мгновенно замирал и превращался в мраморную статую. Каменную, холодную, с философски нахмуренными бровями и трещинкой на носу. А с памятника какой спрос? Полицейские пожимали плечами, инспекторы вздыхали и уходили, решив, что в этом доме давно никто не живёт.

И вот однажды к дому Марата ввалился какой-то мужчина в синей рабочей спецовке. Спецовка была выцветшей, с масляными пятнами и потертыми коленями, а сам мужчина был коренастый, лысоватый, с обветренным лицом и упрямым подбородком. Он тянул за собой длинный провод, который змеился по земле, цепляясь за корни и камни.

– Эй, хозяин, открывай дверь! – крикнул он несколько уставшим голосом.

Марат, гревшийся на пеньке неподалёку, недовольно приподнялся, сощурил глаза и спросил:

– А это кто?

– Я с телефонной станции! – коротко ответил рабочий, останавливаясь.

С его лица катился пот ручьём, рубаха под спецовкой промокла, а дыхание было тяжёлым. Он опустил на землю катушку с проводом и тяжёлую сумку с инструментами, которая глухо бухнулась, подняв облачко пыли.

Гоблину это ничего не говорило, и он рыкнул:

– И какого чёрта я тебя должен впускать в свой дом?

Марат тревожно косился на дверь: он боялся, что это грабитель и тот хочет украсть золото, спрятанное в сейфе. Однако мужчине и впрямь не было дела до гоблинских богатств – ему с лихвой хватало той работы, за которую платило государство.

– Я обязан поставить вам телефонный аппарат!

– Это ещё зачем? – недоумевал гоблин, уже полностью сползая с пня и настороженно упираясь когтистыми ногами в землю. Ему никогда не нравилось, когда люди пытались всучить ему что-то непонятное, громоздкое и явно бесполезное.

– Закон короля об обязательной телефонизации населения! Кто откажется – того в тюрьму!

Это снова ничего не говорило гоблину. Он нахмурился и подозрительно переспросил:

– Теле… телепокинация? Чего-чего?

Рабочий тяжело вздохнул. Видимо, ему редко попадались настолько необразованные существа, а с интеллектом у Марата, как он сразу понял, был полный вакуум. Если там и болталось с десяток молекул, то никакой умственной «погоды» в голове гоблина они явно не делали.

– Недавно король выступил с речью перед парламентом, – терпеливо пояснил мужчина. – Он сказал, что демократизация – это власть короля плюс телефонизация всей страны. Парла-

мент выделил ресурсы для реализации королевского указа. Так вот, я – телефонист. И я обязан установить в доме каждого жителя телефон!

– А для чего? – настороженно спросил Марат, прищурив один глаз и почесав ухо.

– Чтобы король мог дозвониться до своего подданного! – бодро ответил рабочий, словно говорил о вещи очевидной и совершенно нормальной.

Марата это не успокоило, а наоборот – задело за живое.

– А с какой целью?! – подозрительно вытянул он шею.

– Чтобы узнать, как живётся подданному, – терпеливо пояснил телефонист. – Может, мнение его нужно услышать… или он окажет материальную поддержку нуждающемуся!

У гоблина сразу забегали глазки, словно по черепу пустили тараканов.

– А что такое материальная поддержка? – осторожно поинтересовался он.

Рабочий почесал затылок, явно подбирая слова.

– Ну-у… это самое… одежду из сэконд-хэнда дадут… просроченную еду в пакетах… ну, деньгами может быть… в детский сад детей устроят… по школе что-то решат…

– Деньгами! – именно это слово оживило гоблина. Он аж подпрыгнул на месте. – Хорошо, ставь этот телефон! Мне нужны деньги!

Телефонист ничего не ответил. Он молча вытащил из сумки чёрный аппарат, аккуратно поставил его на подоконник, протянул провод, закрепил его скобами, что-то щёлкнул отвёрткой, проверил связь, кивнул сам себе и начал собирать инструменты. Потом закинул сумку на плечо, подхватил катушку и пошёл обратно по дороге, устало волоча провод за собой, пока тот не исчез за поворотом.

Удивлённый Марат крикнул ему вдогонку:

– А мне что делать?

– Поднять трубку, когда позвонят! – донеслось издалека.

– А когда позвонят?

– Когда нужно!

– А мне нужны деньги сейчас!

Что ответил мужчина, Марат так и не услышал: то ли тот уже ушёл слишком далеко, то ли говорил вполголоса, то ли его слова утонули в щебетании птиц, которые разорались на деревьях, радуясь солнечному дню и не подозревая о гоблинских финансовых трудностях.

Озадаченный Марат вернулся в дом и стал разглядывать телефон. Это была чёрная коробка с глянцевыми боками, тяжёлая, холодная, с трубкой на толстом витом проводе. На передней панели располагались кнопки, на которых белыми цифрами были пропечатаны странные знаки – от нуля до девяти. Телефон молчал и выглядел совершенно бесполезным, словно кусок угля с ручкой.

Ничто не свидетельствовало о том, что из этой штуки могут прислать деньги.

«Может, нажать на кнопки надо, типа, какая сумма мне нужна?» – предположил гоблин.

Он решительно ткнул пальцем и набрал шесть цифр подряд, не задумываясь, потом поднял трубку.

Сначала послышался гудок, потом сухой мужской голос произнёс:

– Да, я вас слушаю.

– Пятьсот тысяч тагриков! – выпалил Марат. – Или крупными купюрами, или монетами из золота!

На том конце повисла пауза, а затем голос радостно сказал:

– Спасибо за щедрое подношение нашему храму! Мы отправим к вам курьера, и он заберёт эти деньги!

У Марата аж дыхание сперло.

– Вы не поняли, – прохрипел он. – Это мне нужны пятьсот тысяч тагриков!

Голос на том конце провода внезапно завопил, словно его укусили:

– Мы не подаём милости! Мы только принимаем деньги! Мы – церковь! Нам несут деньги, дурак!

Марат аж отпрянул от трубки, но тут же возмутился:

– А как же телефонизация страны и… это самое… демократия! – гоблин с усилием вспомнил умное слово. – Сам король утвердил указ… Деньги – народу…

Незнакомец перебил его, не дав договорить:

– Демократия – это когда нам дарят земли, квартиры, машины, деньги и драгоценности!

– Так я тоже за демократию! – оживился Марат. – Дайте мне пятьсот ты…

Договорить он не успел: на том конце раздался резкий щелчок, и трубка оглохла. Пожав плечами, гоблин положил её на аппарат.

Но обдумать ситуацию он не успел. Телефон резко зазвонил. Он заорал так внезапно и пронзительно, что пыль посыпалась с потолка, а лампа жалобно дрогнула. Чёрная коробка подпрыгивала на подоконнике, будто в ней кто-то бесновался, а звонок резал уши, словно ножом.

Марат подпрыгнул как ужаленный. У него рефлекторно сжался кулак, и он уже хотел со всей силы треснуть по аппарату, но в последний момент сдержался. Его редко кто пугал – обычно пугались его. А сейчас этот визгливый ящик действовал на нервы, словно кто-то скребся когтями прямо по его мозгам.

Гоблин, скрипя зубами, схватил трубку и сердито повторил, подражая услышанному ранее тону:

– Да, я вас слушаю!

– Эй ты, старый хрыч! – заорал незнакомец. – Не слишком ли много просишь – три миллиона тагриков за твою дочь?! У меня сын тоже не с помойки! Калым слишком большой!

У Марата аж коленки затряслись от возбуждения. Глаза загорелись, уши вытянулись, а дыхание стало прерывистым – в голове мгновенно закрутились цифры, мешки с монетами и сундуки.

– Ну… три миллиона… – протянул он, делая вид, что размышляет. – Может, и много… но я согласен и за два с половиной миллиона тагриков!

– А ты прохиндей, старик! – фыркнул голос. – Не зря мой сын говорил, что ты удавишься ради денег!

Марат даже обиделся не стал – наоборот, радостно подтвердил:

– Удавлюсь… но не умру! Гоблины от денег не умирают!

На том конце провода повисла тишина.

– Э-э-э… – раздался наконец недоумённый голос. – Так ты… гоблин?

Хихикнув, Марат довольно ответил:

– Да, а что? Гони мне деньги! Мы же договорились о сумме!

– Так мой сын хочет жениться на дочери гоблина?! – голос сорвался почти на визг. Было слышно, как человек захлёбывается от ужаса и возмущения, словно ему предложили сунуть голову в пасть дракону. – Никогда этому не бывать!

И трубку швырнули так резко, что даже аппарат жалобно звякнул.

– Ты слышишь?! – донеслось ещё издалека. – Не бывать!

Марат услышал в трубке только короткие гудки:

– Тут-тут-тут…

Он медленно опустил трубку, почесал за ухом когтистым пальцем и философски пожал плечами:

– Странный человек… Даже не поинтересовался, что дочери у меня нет, – пробормотал гоблин. – Но вот деньги мне бы не помешали… жаль, сделка сорвалась!

Он только собрался снова заняться своими мыслями о богатстве, как телефон опять зазвонил. Марат сначала отошёл на шаг, подозрительно глядя на аппарат, словно это была ядо-

витая змея. Потом обошёл стол, плюнул через плечо, постучал костяшками по дереву, подёргал себя за ухо и лишь после долгих колебаний всё-таки схватил трубку.

– Да, – буркнул он в микрофон так, будто тот был в чём-то лично виноват.

– Ты, козёл, когда бабки заплатишь?! – раздался хриплый, наглый голос.

– Чего?

– Козёл, не понял что ли? Мы с братвой живо твой магазинчик подожжём, если сегодня к пяти вечера ты не положишь бабки на стол! Тебя, козла, мы предупреждали! И не вздумай в полицию звонить – мы тебе тогда кишки выпустим!

Марат нахмурился. Он задумался так глубоко, что даже перестал дышать на пару секунд. Дело в том, что кишок в привычном человеческом понимании у него не было: внутри гоблина находился компактный магический узел, пара мешочков с ядовитой слизью, что-то вроде каменного желудка и странная система полостей, по которым циркулировала злоба. Ничего вытаскивать там было нельзя – всё и так болталось на свободе.

– А что… – осторожно уточнил он, – кишки не на свободе? Они заперты?

– Ну ты, козёл, хватит тут хохмить! – заорал голос. – Бабки давай – вот и весь разговор!

Марату это быстро надоело. Он щёлкнул пальцами и прошептал короткое заклинание.

За десятки километров от его дома здоровенный бандит с бритой головой вдруг захрипел, схватился за горло и начал стремительно уменьшаться в размерах. Его пальцы срослись, кожа покрылась слизью, рот расползся до ушей – и через секунду на полу офиса сидела жирная зелёная жаба в золотой цепи, с выпученными глазами.

Она отчаянно заквакала и запрыгала, сшибая пепельницы и стулья. Остальные рэкетиры заорали, попятились, а когда из телефонной трубки повалил густой фиолетовый дым с запахом серы и болотной гнили, бросились врассыпную, вылетая из помещения, как тараканы при включённом свете.

Жаба закашлялась, захрипела, несколько раз дёрнулась – и, не выдержав ядовитого дыма, сдохла, распластав лапы и уставившись стеклянными глазами в потолок.

А Марат тем временем схватил телефонный аппарат обеими руками, намереваясь с грохотом швырнуть его об пол и разнести вдребезги.

Но телефон снова зазвонил.

– Чёрт бы тебя побрал… – прорычал гоблин.

Он поставил аппарат обратно на подоконник, вытер руки о штаны и снова снял трубку.

– Да, кто там?! – рявкнул он.

– Шеф, всё пропало! Я на грани провала! – заорал кто-то басом, срываясь на истерику.

– Какого провала?

– За мной установили слежку! Явки провалены! Пароли расшифрованы! У меня есть граната – я закончу жизнь самоубийством! Я так спасу всю шпионскую сеть! Слава Трансбукии!

Трансбукия была далёкой страной за три десятым царством и за три девятым государством: бесконечные пески, нефть, верблюды, дворцы из бетона и золота, генералы в солнечных очках и шпионы, которые шпионили даже друг за другом. Но Марат об этом, разумеется, не знал.

Он только нахмурился и устало спросил:

– А мне чего звонишь?

– Передайте моим родным, что я горячо их любил и люблю сильно нашего султана! Да, пускай полагающийся мне гонорар отдадут… – голос вдруг задрожал, стал тоньше, словно уходил вглубь колодца, и оборвался.

А Марат, услышав слово «гонорар», мгновенно оживился. У него даже уши приподнялись.

– Давай, давай, говори про гонорар! – заорал он в трубку. – Сколько там тагриков? Или это тангриков? А может, тугарики? Или стеллары? Грубли? Дихнары? Обещаю, что деньги будут сохранены!

Он не врал ни на полслова: деньги действительно были бы сохранены – просто не для кого-то, а исключительно для него самого.

– Не молчи! Говори!

Но в трубке раздался уже другой голос – напряжённый, сиплый, испуганный, будто человек шептал, зажимая микрофон ладонью и оглядываясь по сторонам.

– Шеф… они здесь…

– Кто?! – взвизгнул Марат. – Ты про деньги, про деньги говори!

Он заметался по комнате, подпрыгивая у окна, как бешеный заяц на раскалённой сковородке, размахивая свободной рукой и уже мысленно пересчитывая несуществующие мешки с валютой.

Но вместо цифр из трубки донеслось:

– Руки вверх!.. Стой!.. Нет! Шпионы не сдаются!

Затем раздался глухой хлопок, перешедший в оглушительный взрыв, будто кто-то ударил молотом по самому миру, – и наступила тишина. Мёртвая, пустая, звенящая.

Марат медленно опустил трубку.

Он понял, что телефон приносит ему кучу неудобств. Звонят какие-то странные личности, что-то требуют, кричат, умирают, взрываются – и всё это без всякой пользы. Понятно, что номер гоблина набирают по ошибке, но это означало лишь одно: жизнь у людей совсем не мёд. Сплошная суета, угрозы, долги, войны, шпионы, калымы и гранаты.

Марат даже порадовался, что он гоблин, а не какой-нибудь «хомо сапиенс». И что живёт он вдали от этих беспокойных существ, в грязном, но тихом доме, где максимум проблем – это мухи да собственная жадность.

Однако телефон снова зазвонил.

Марат тяжело вздохнул, как старик, уставший от жизни, и всё-таки поднял трубку.

– Это говорит ваш правитель!

– Мой правитель? – искренне удивился гоблин. – Я сам себе правитель!

– Да, ваш король! – торжественно продолжил голос. – Я пекусь о мнении своих граждан, развиваю демократию. Вот хочу спросить: поддержите ли вы меня, если я начну войну с соседней Балвандией? Готовы ли вы пожертвовать собой ради меня и моих целей? Отдадите ли свою жизнь, если я прикажу?

Марат разозлился по-настоящему. У него даже ноздри раздулись, а на лбу проступили зеленоватые жилки.

– Да мне плевать на Балвандию и на тебя, мой король! – заорал он в трубку. – Меня интересуют только деньги! Деньги давай!

На том конце провода повисла тяжёлая пауза, словно голос собеседника собирался в кулак. Потом он заговорил жёстко, холодно и официально:

– Разговаривать со мной таким образом – государственное преступление! Я поставил каждому телефон в дом, чтобы вы имели счастье говорить со мной, главой государства! Но не в таком тоне и не в таком русле! Я могу казнить тебя, о недостойный подданный!

Марат скривился, как от кислого.

– Опять казнить… – пробормотал он. – Скучные вы, короли.

И во второй раз за этот день ему пришлось прибегнуть к волшебству. Он не стал тянуть время: прошептал заклинание, прикусив кончик языка, и щёлкнул пальцами.

Превратить короля в лягушку не удалось – королевская корона, как выяснилось, давала частичную защиту от амфибийных чар. Зато получилось другое: монарх мгновенно окаменел.

Прямо во дворце, сидя в кресле, он застыл с перекошенным лицом, вцепившись зубами в телефонную трубку, словно пытался её перекусить. Его глаза остались выпученными, брови приподнятыми, а рука так и замерла в величественном, но крайне нелепом жесте.

На следующий день в местной газете вышла большая фотография: король – серо-белый, неподвижный, с мраморным блеском кожи и телефонной трубкой в зубах. Под снимком был напечатан солидный диагноз медицинских светил:

«Мраморная инфекция. Редкое, но неопасное заболевание. Пациенты внезапно застывают, становятся каменными, сохраняют выражение лица и позу. К счастью, болезнь длится недолго – от двух до трёх дней. Рекомендуется не тревожить больного и не ронять на него тяжёлые предметы».

Газета разошлась рекордным тиражом.

А ещё через неделю к дому Марата снова пришёл телефонист. Тот самый – в синей рабочей спецовке, с катушкой провода и усталым выражением лица. Он молча собрал остатки разбитого аппарата, аккуратно смотал провод и оттащил его прочь от дома.

– Демократизация отменяется, – сухо пояснил он. – А вместе с ней и телефонизация страны.

Он вздохнул, глянул в сторону дворца и добавил:

– Видимо, король изменил своё решение.

Марат довольно хмыкнул, закрыл дверь на засов и подумал, что тишина – это тоже своего рода богатство.

(7 июня 2019 года, Элгг)

Марат против инопланетян

Марат всегда был злобным, ворчливым существом, презиравшим всех на свете, включая человечество. От него никто и никогда не слышал ни доброго слова, ни вежливого обращения: любое «здравствуй» в его исполнении звучало как проклятие, а любое «отойди» – как приговор. Он ругался даже с камнями, если спотыкался о них, и грозил кулаком деревьям, когда они шумели не в такт его настроению. Плохие поступки сопровождали всю его жизнь – от мелкого вредительства до откровенного пакостничества.

Но всё-таки однажды он спас планету. И это можно было бы считать благочестивым делом, если бы сам гоблин хоть на секунду задумался о чьём-то спасении. Но Марат никого спасать не собирался – просто всё так вышло.

Произошло это ранним утром. Марат вылез из своего убогого жилища, зевнул так широко, что у него хрустнула челюсть, потянулся, выгибая спину, и стал размышлять, что бы ему съесть на завтрак: змею, жабу, крота или воробья. Воробей был, конечно, вкусный, но ловить птиц – занятие нервное и унизительное, к тому же они визжат. Крот требовал копания, а копать Марат терпеть не мог – земля под ногтями портила настроение. Змея могла укусить, а лишние телодвижения гоблин считал излишеством.

Поэтому он решил сходить на болото и спокойно собрать жаб. Жабы никуда не прятались, сами лезли под ноги, были жирные, ленивые и крайне питательные. Марат особенно ценил их за сочность и лёгкий болотный привкус. Из жаб он готовил свой любимый фрошброт: обваливал их в тесте из камышей, приправлял гнилыми кореньями, обжаривал до хруста и ел, причмокивая, пока из панировки капал жир с запахом тины.

И вот в этот самый момент над его головой что-то зажужжало. Причём жужжало неприятно.

Обычно такие звуки издавал летающий осёл, который вот-вот научился поднимать свою тушу в воздух, или старый дракон, который больше пыжился, чем летел, да и выдыхал не огонь, а дым с привкусом угля и старости. Такие существа пролетали мимо, и Марат даже не поднимал на них глаз.

Но на этот раз кто-то назойливо завис прямо над ним.

Гоблин медленно поднял злые глаза вверх – и обалдел. Над ним висел огромный треугольник. Вообще-то это была пирамида, но в геометрии Марат не разбирался, и для него это был просто металлический треугольник, жужжащий, как рой комаров, и испускающий разноцветные лучи, словно новогодняя игрушка, сошедшая с ума. Лучи переливались, моргали, резали глаза и бегали по земле, пугая мох и лишайники.

Что это такое, Марат не знал – и знать не желал.

– Какого чёрта! – сердито прошипел он и стал махать руками, словно мог отогнать эту махину, как назойливую муху. Хотя нет, муху он бы съел и отгонять не стал бы. А вот эту громаду над своей головой терпеть он не собирался.

– Пшёл вон! Вон отсюда! – орал гоблин, подпрыгивая и грозя кулаками, прикидывая, каким заклинанием или проклятием можно заставить штуковину убраться.

Тем временем геометрическая фигура медленно опустилась на траву. В её боку открылся люк, и оттуда выполз длинный и толстый червяк – метров три длиной. С его тела свисали отростки, покачивались то ли глаза, то ли шарики, то ли какие-то сенсоры. От него исходил страшно вонючий запах – такой, что любой дышащий кислородом упал бы в обморок. Но не гоблин: Марат дышал азотом и только недовольно сморщил нос.

Он с недоумением уставился на незваного гостя. Ему вообще не нравилось, когда к нему приходили. А чтобы вот так нагло, на летающем треугольнике, – это было уже сверх всякой меры.

Червяк приподнялся, и сотня шаров-глаз уставилась на гоблина.

– Пшшшш, бжжжжж, кржжжж… ууууууу! – произнёс незнакомец.

И, что было удивительно, Марат его понял. Возможно, он знал этот язык всегда, просто никогда раньше не было повода им пользоваться. Смысл до него дошёл отчётливо: «Эй, ты, образина! Это что за планета?»

– Без понятия и знать не желаю! – огрызнулся Марат. – Давай, вали дальше, здесь нет остановки!

Он сразу сообразил, что этот треугольник – какой-то аппарат, возможно, из другой галактики, а червяк – нечто вроде водителя или пилота этого дурацкого транспорта. Ну, одиночка, летающий как турист, заблудился, сел не там, спросил дорогу – бывает. Марат даже хотел добавить что-нибудь особенно обидное, но решил не тратить слова на глупости.

Он ошибался. На самом деле это был галактический завоеватель – вожак беспощадных инопланетян, пожирателей миров. Их флот проходил сквозь звездные системы, как чума: они выжигали биосферы, выпивали океаны, дробили континенты и оставляли после себя мертвые каменные шары. Сотни цивилизаций – разумных, гордых, вооруженных до зубов – были стерты ими в пыль. Их страсть к уничтожению не знала насыщения.

И теперь на их пути оказалась Земля. Так уж вышло, что первый десант приземлился аккурат возле дома гоблина Марата.

Тем временем из люка вслед за главным червяком полезли гигантские тараканы. Ростом они были с лошадь, в хитиновых шлемах, с сегментированными панцирями и трубками, торчащими из грудей и спин – то ли оружие, то ли дыхательные аппараты, то ли просто что-то для красоты. Их усики дергались, клешни щёлкали, а глаза светились холодным фиолетовым светом.

– Прпрпрпр… ооууу… ткрткрткрррррр… – застрекотали они.

Марат машинально перевёл:

«Мы на месте? Можно уже воевать? А то скучно стало! В кого стрелять можно?»

Любой другой на его месте уже бы бежал, кричал, молился или хотя бы паниковал. Но не Марат. Ему не было никакого дела ни до странных существ, ни до планеты, на которой он жил, ни до людей, ни до магических рас. Он всегда был сам по себе.

Но ему категорически не понравилось, что кто-то собирается начинать свои великие кровавые дела именно там, где стоит его дом. На его болоте. В его зоне комфорта.

– Пошли вон! – рявкнул он.

И его поняли. Возможно, захватчики общались телепатически. Возможно, их языки имели общее основание. А может, у противных существ всегда есть что-то общее между собой – природа любит экономить на мерзости.

Червяк покосился на гоблина и произнёс:

– Грбжжжжжж… уаааааа…

Это означало: «А ну-ка, схватите этого типчика и допросите с пристрастием».

Что такое «допрос с пристрастием», Марат понял через несколько секунд. Тараканы налетели со всех сторон, вцепились в него клешнями и конечностями, защёлкали суставами и стали натягивать на гоблина какие-то устройства: холодные обручи, шипастые манжеты, вибрирующие шлемы с иглами и светящимися кристаллами.

– Эй, придурки, вы чего! – взбесился Марат.

Он дрался как мог: пинался, кусался, бодался, плевался ядом и матерился так, что мох вокруг съёжился от стыда. Но всё было бесполезно – захватчики его не боялись. Их не смущали ни угрозы, ни проклятия, ни вонь, ни магические вспышки.

– Отвалите от меня! – орал он. – Вон с моей территории!

Но его, разумеется, никто не слушал. «Тараканы» – то ли солдаты, то ли технические слуги – деловито облепили Марата со всех сторон и стали нацеплять на его тело какие-то холодные и липкие штуковины. Они щёлкали, жужжали, присасывались к коже, впивались иголками и пульсировали светом. Вероятно, это были датчики: для считывания мыслей, эмоций, структуры организма и прочей нужной им гадости.

Чтобы подопытный не дёргался, один из них без лишних церемоний шарахнул его электричеством в пять тысяч вольт.

Удар был такой силы, что у Марата мгновенно вздыбился чуб, все волосы на теле встали иглами, а из ушей пошёл густой красный дым, пахнущий озоном и серой. Глаза его на секунду загорелись, как две лампочки, язык вывалился, а ноги сами собой задергались, отбивая какой-то безумный танец. После этого гоблин обмяк и завис в странном состоянии – не в обмороке, но и не в сознании, словно выключили половину его существования.

Тем временем «тараканы» склонились над приборами и начали прокручивать получаемую информацию: экраны мигали, символы текли, стрелки дергались, шкалы уходили в красную зону.

– Бджжжрккккк… тццццйффффф… ннннсяяяаммммм… эээээ… («Странно, но мы не улавливаем мозговую активность!»)

– Что это значит? – озадаченно протянул червяк-генерал, слегка приподняв передний сегмент тела. Его шарообразные глаза сузились, а отростки нервно закачались.

– У этого существа нет мозга!

– Но он же отвечает! – раздражённо прошипел генерал. – Тот, у кого нет мозга, существо глупое.

В ответ «тараканы» дружно вытянули свои конечности и указали на приборы. Те показывали ровные, мёртвые линии – ни всплесков, ни импульсов, ни признаков мыслительного процесса.

– Смотрите сами, – застрекотали они. – Никакой регистрации мозгового функционирования.

Червяк подполз ближе и долго всматривался в экраны, линзы и голограммы. Он поворачивал голову, наклонял её, щёлкал хитиновыми сегментами, словно пытался понять, где именно его обманывает техника. Но техника не врала.

Наконец он повернулся к Марату, который уже начал приходить в себя. Мир для гоблина плыл: всё было размыто, двоилось, а цвета казались неестественно яркими, словно кто-то налил краску прямо в глаза.

– Сколько у вас транс-гравитационных бомб?

– Чего, чего? – ошалело пробормотал Марат, озираясь. В голове у него звенело, а мысли разбегались, как жабы по болоту.

– У ваших звездолётов брас-тумангуские двигатели?

– Какие?

– Ваша армия хочет нас завоевать?

– Кого? – искренне удивился гоблин.

– Вы сдадитесь нам или будете защищаться?

– Что делать будем? – переспросил Марат, совершенно потеряв нить разговора.

Генерал нахмурился и продолжил допрос, уже с заметным раздражением:

– Кто ваш главнокомандующий?

– Главно… – кто?

Ответы окончательно вывели червяка из себя.

– Это просто тупое животное! – взревел он. – Этот пленный не имеет никакой ценности! У него нет мозгов, как у древней медузы! Нет интеллекта!

Отчасти инопланетянин был прав – насчёт интеллекта. Что же до мозгов, то они у Марата действительно имелись, но настолько крошечные и странно устроенные, что даже их сверхмощные индикаторы не смогли их зафиксировать. К тому же думал гоблин вовсе не мозгами. Его сознание было распределено по всему телу, по коже, крови, костям и даже по мерзкому запаху, который он издавал.

Строение его организма не имело ничего общего ни с людьми, ни с животными, ни с теми формами жизни, которые инопланетяне когда-либо встречали.

И солдаты-«тараканы» наконец-то стали отсоединять от гоблина провода. Присоски отлипали с влажным чмоканьем, иглы выходили из кожи, оставляя крошечные дымящиеся точки, а светящиеся кольца гасли одно за другим. Закончив, они отступили на шаг и, переглядываясь своими фасеточными глазами, спросили:

– Так что нам с ним делать?

Червяк-генерал лениво пошевелил сегментами тела и равнодушно бросил:

– Пускай его сожрёт Шмакудас! Нам не нужны пленные!

Что такое «Шмакудас», Марат понял уже через пять секунд. Из люка пирамиды с резким хлопком вырвалось нечто, похожее на гигантскую стрекозу: крылья – как стеклянные лезвия, тело – блестящее, членистое, а вместо головы – длинный, пульсирующий хобот, покрытый крючьями и присосками. Существо жужжало так, будто рядом работала сотня пил.

Оно зависло в воздухе, навело на гоблина свой хобот и молниеносно рванулось вперёд. Марат даже пикнуть не успел – стрекоза обвила его крыльями и в одно мгновение втянула целиком, как макаронину, в свою пищеварительную утробу.

Червяк наблюдал за этим процессом с явным удовольствием, покачивая отростками.

– Отлично, пленный уничтожен!

– А что делать нам? – спросили «тараканы», уже предвкушая веселье.

– Как что? Воевать! – рявкнул генерал. – Приказываю захватить всё, что встретите на своём пути! Делайте всё то же самое, что и на трёхстах захваченных ранее планетах!

– Ыыыыржжж! Гртттхххффффф!.. Ячччууууцар! – радостно завопили «тараканы» и принялись палить во все стороны из своих длинных трубок.

Лучи резали пространство, как ножи: лес мгновенно дымился и оседал пеплом, ручей закипал так, что рыба всплывала сваренной, птицы рассыпались в серую пыль прямо в полёте, а звери исчезали, оставляя лишь выжженные тени на земле. Разрушение и смерть были для «тараканов» любимым зрелищем.

Из пирамиды тем временем один за другим выскакивали новые солдаты с оружием, гоготали и орали:

– Шрмммммс!.. Кккрхххххссс!..

Им было весело – война для них всегда была развлечением.

И вдруг Шмакудас, до этого плавно извивавшаяся в воздухе, резко потеряла высоту, с глухим шлепком рухнула на землю и начала биться в предсмертных конвульсиях. Крылья судорожно дёргались, тело выгибалось дугой, из-под панциря сочилась тёмная слизь.

Из её хобота показалась перекошенная злобой рожа Марата. Глаза его горели яростью, зубы были сжаты, а кожа шла пятнами.

– Это что вы тут себе позволяете?! – орал он, вылезая из пищевода насекомого и отталкивая склизкие стенки. – Это я жру тех, кого хочу, а не меня должны жрать! Пошли вон отсюда, пока я не разозлился вконец!

Полностью выбравшись наружу, он со злостью пнул издохшего Шмакудаса. Бедное существо явно отравилось гоблином: яд его природы оказался страшнее всего, что эта тварь поглощала за всю историю захватов планет.

Ошарашенный генерал взревел:

– Это что такое?! Пленный остался жив?! Куда вы смотрите, бестолочи?!

Один из «тараканов» выстрелил в Марата. Луч ударил в гоблина, отразился от него, как от зеркала, и попал в другого солдата. Тот вспыхнул синим пламенем и сгорел в одно мгновение, даже не успев закричать.

Марата это окончательно взбесило. Его ноздри раздулись, кулаки сжались, а вокруг тела пошло странное мерцание. Он призвал к помощи свою магию.

Гоблинское колдовство оказалось куда действеннее любой технологии уничтожения, привезённой пришельцами с далёких звёзд. Разъярённый Марат выкрикивал проклятия, хрипло шептал слова, от которых воздух трескался, и щёлкал пальцами. С каждым щелчком один захватчик за другим вспыхивал зелёным светом и превращался… в жирную жабу.

Броня оплывала, шлемы спадали, трубки оружия превращались в бородавчатые лапы. Жабы с глухим шлёпаньем падали на траву, беспорядочно прыгали, квакали, сталкивались друг с другом, не понимая, что с ними произошло и почему мир вдруг стал таким влажным и низким. На их родине не существовало магии – только расчёты, схемы и холодная логика, а потому происходящее было для них настоящим концом вселенной.

– Ты что сделал с моими солдатами?! – взревел червяк-генерал.

Он яростно ринулся на Марата, извиваясь и вздымаясь над землёй, намереваясь раздавить гоблина своей многотонной тушей. Его сегменты глухо бухали, отростки хлестали воздух, а тень накрывала поляну, как туча.

Марат успел отпрыгнуть в сторону и, не целясь, выстрелил колдовством. В ту же секунду генерал замер, вытянулся и с хлопком трансформировался в большую рыжую сосиску, слегка подрумяненную, с лопнувшей кожицей, из которой сочился аппетитный сок. От неё шёл такой вкусный, мясной запах, что даже дым от сгоревшего леса отступил.

Марат остановился, принюхался и философски сказал:

– Война войной, а пожрать надо.

С такой философией не спорят – её принимают. Он схватил сосиску обеими руками и стал жрать, жадно и с удовольствием, откусывая большие куски и запивая их живыми жабами, которых на поляне теперь были тысячи. Жабы квакали, дёргались, но это нисколько не мешало трапезе.

– Сколько у меня еды – и на болото ходить не надо! – радовался гоблин с набитым ртом.

Лягушки, правда, оказались пересолёнными, будто их заранее мариновали в космической соли, но Марата это нисколько не смущало. Он мог есть их поперченными, в сахаре, в кислом соусе или вообще без всего – лишь бы было что жевать.

Наконец, наевшись до отвала, он довольно крякнул и уселся на лестницу, свисавшую с пирамиды. Что делать с межзвёздным кораблём, Марат пока не придумал, но ему было ясно: этому месту он не принадлежит.

И тут, едва гоблин притронулся к металлу, по коже пробежало знакомое, сладкое покалывание. Такое же он ощущал всегда, когда прикасался к сокровищам. Марат вздрогнул и внимательно присмотрелся.

– Золото! Это же золото! – восхищённо произнёс он, поглаживая обшивку корабля.

Весь звёздолёт пришельцев, от основания до верхушки, оказался построен из чистейшего драгоценного металла – тысячи и тысячи тонн. Глаза Марата заблестели ярче любых звёзд.

Он щёлкнул пальцами – и в одно мгновение вся пирамида рассыпалась, словно песочный замок, на миллионы и миллионы золотых монет, которые зазвенели, посыпались, покрывая землю толстым слоем богатства.

Конечно, можно было бы разобраться, как устроен двигатель, позволяющий преодолевать межзвёздные расстояния, изучить чудные приборы, отдать пирамиду учёным, инженерам, конструкторам и получить пользу для всего мира…

Но для гоблина это был просто кусок золота – ничего больше. И ни с кем он не собирался делиться. Монеты звенели у него под руками, блестели, переливались всеми оттенками жёлтого

и рыжего. Марат перебирал их пальцами, щёлкал, клал в карманы, а потом аккуратно переносил в свой сейф. Казалось бы, как это возможно – ведь золота было больше, чем сейф сам по себе? Но тут срабатывало волшебство: сейф был особым, магическим, он мог вместить в себя тысячи таких пирамид, целые сундуки с сокровищами. Не зря же этот сейф Марат получил когда-то от великого кудесника Жмагопляка, который умел делать вещи невозможные и говорящие шёпотом тайны. Но это уже совсем другая история, и про неё сейчас говорить не будем.

Тем временем события не остались незамеченными. Сотни птиц, зверей, рыб, даже люди, которые каким-то чудом остались невредимыми после нашествия инопланетян, наблюдали за происходящим и потом рассказывали всю правду миру: как Марат, злобный и ворчливый гоблин, спас их от порабощения галактическими захватчиками. История облетела все королевства, города и деревни. Цари и султаны награждали Марата орденами, медалями, присылали послов с почестями и дарами, прославляли его храбрость и силу.

Но Марат этих послов не принимал. Он считал их только любопытными глазалками, желавшими заглянуть в его сундук с золотом. И всякий раз, когда кто-то приближался слишком близко, Марат аккуратно превращал его в жирную жабу. Потом съедал. Иногда с солью, иногда с перцем, иногда просто так – для удовольствия. Даже величайшие послы понимали: с этим гоблином не шутят.

Так и жил Марат – недоверчивый, жадный, ворчливый, злой, но при этом непобедимый. Он больше никогда не показывался людям, охранял свои сокровища и радовался, что стал не только богатым, но и спасителем целой планеты.

И хоть никто не видел Марата, кроме редких животных и птиц, мир знал: в его гнезде, среди хлама, грязи и блестящего золота, сидел самый хитрый и невероятный гоблин на свете, который умел побеждать и людей, и инопланетян, и судьбу сама.

Вот и сказке конец, а кто слушал – пусть рад, что на свете есть такие гоблины, которые даже злые, всё равно способны спасти мир… если им это, конечно, выгодно.

(31 мая 2019 года, Элгг)

Марат в компьютерной реальности

У гоблина Марата прогулка по городу была не привычкой, а настоящей работой – он искал любую возможность, чтобы кому-то сделать плохо: обрызгать прохожего лужей, опрокинуть корзину с овощами, испортить свежие тряпки на прилавке, разлить чернила на письмо или просто испугать случайного прохожего своим гнусным рыканием и скрючившимися пальцами. Такова была жизненная суть этого магического существа. И поэтому люди старались сворачивать с дороги, едва увидев его, закрывали окна и двери, а иногда даже прятались под лавками. Но Марат умел находить лазейки, пролезал в щели, забрасывал мусором двор или щекотал воробьев с крыши – и потом целую неделю радовался проделанной пакости.

Сегодня он юркал по узким переулкам, наталкиваясь везде на запертые двери и ворота – запах гоблина чувствовали за версту, и жители заранее закрывали все, что можно, уменьшая его шансы на гадость. Гоблин злился, пыхтел, царапал стену когтями, пока наконец не добрел до здания, старого кирпичного, с облупившейся штукатуркой, черными рамами окон и скрипучей дверью, на которой висела табличка: «Компьютерный зал». Что это такое, Марат не знал, но его инстинкты подсказывали: здесь его желание осуществится. Он толкнул дверь и зашёл внутрь, осторожно оглядываясь.

В зале царила полутемнота. Свет падал лишь сквозь мутные окна, но глазки гоблина разглядели ряды столов и на каждом – какие-то странные предметы с клавишами, экранами и мерцающими лампочками. Это были компьютеры: черные ящики с кучей кнопок, мерцающих лампочек и шнуров, будто паутины, с мониторами, похожими на стеклянные окна, в которых таилось что-то непонятное. Марат пытался понять назначение этих устройств, но его гоблинская голова просто отказывалась думать о технике.

Он кружил между столами, ковыряясь то в ухе, то в носу, извлекая козявки и изучая странные кнопки. Пытаясь найти применение предметам, гоблин дошел до туалета. Про унитаз имел смутное представление – что-то вроде тазика, но более уродливого. Весело гоготал, сбрасывая с бачка воду, кидал туда рулоны туалетной бумаги, наблюдал, как они намокают и размазываются. Увидев ершик, он решил, что это зубная щетка, засунул его в рот, подвигал между гнилыми зубами и сказал:

– Интересный вкус…

Затем он положил ершик обратно и вернулся в зал. Почему-то никого до сих пор не было. Решив, что время терять зря нельзя, Марат подсел к одному столу и стал нажимать на клавиши на клавиатуре – черные прямоугольники с белыми символами. Каждая клавиша при нажатии издевательски щелкала, издавая странные звуки. Вдруг монитор ожил: засветился синим светом и загорелись буквы, а затем раздался ровный голос:

– Компьютер «Пак-Мак2000» готов к работе!

Марат взвигнул от испуга, подпрыгнул так, что затылком ударился о потолок, шишковатая голова глухо стукнулась, а глаза выпучились. Он свалился обратно на стул, почесал макушку, думая, что теперь же точно начнется что-то опасное, и спросил:

– К какой работе?

– Информационно-вычислительной, – ответил «Пак-Мак2000». Голос был ровный, без эмоций, словно исходил из самой машины. На самом деле, звуки воспроизводил синтезатор речи – рот и легкие у компьютера отсутствовали, а слова были результатом магии электроники и алгоритмов. Марат недоверчиво щурился на мерцающий монитор, пытаясь понять, что за странная работа тут ведется и зачем люди вообще сюда приходят.

– А что это значит? – озадаченно спросил гоблин, приподнимая одну бровь, которая на его морде была скорее шишкой, чем бровью.

– Ты что – тупой?

Компьютер, казалось, решил, что пора устраивать шоу: по монитору побежали волны – сначала зеленые, потом синие и красные, как сияние северного света, но с треском и мерцающими пикселями. Они извивались, переплетались и с гулом пролистывались по экрану, создавая ощущение, что внутри этого ящика бурлит какой-то странный океан информации.

Марат погладил себя по шишковатой голове и ответил:

– Да, тупой… точнее, гладкий. У меня нет острых углов.

«Пак-Мак2000» вздохнул – невидимо, потому что у него не было легких – и ровным, спокойным голосом произнес:

– Ясно… Так чего тебе надо?

Гоблин уставился на светящийся экран, его глазки бегали, пытаясь понять, какая польза от этой странной штуки. Он задумался и спросил:

– А что ты умеешь?

– Могу вычислять! – с гордостью заявил компьютер. – У меня мощный процессор на 128 ядер, тактовая частота 5 гигагерц, кэш третьего уровня 256 мегабайт, жесткий диск на 50 петабайт с мгновенным доступом, а также квантовый модуль для параллельных вычислений.

Марат моргнул: это ничего не объясняло, и он нахмурился:

– А что именно?

– Вычисления в различных областях, – продолжал компьютер, не обращая внимания на растерянный вид гоблина. – Например, астрономия. Звезда Бетельгейзе находится на расстоянии 222 парсека с точностью -34/+48 парсеков, или приблизительно от 613 до 881 светового года. Угловой диаметр – 0,044 угловой секунды. Минимальная светимость больше светимости Солнца в 80 тысяч раз, а максимальная – в 105 тысяч. Блеск изменяется от 0,2 до 1,2 звездной величины, среднее значение – 0,7m. Масса звезды – около 17 солнечных масс, диаметр изменяется от 500 до 800 диаметров Солнца…

Все это сыпалось в бедные уши гоблина, как дождь из цифр и непонятных единиц измерения, и никак не задерживалось в его куцо-маленьком мозгу. Его глазки бегали по экрану, шишковатая голова крутилась, а в ушах звенело от всех этих парсеков, солнечных масс и угловых секунд. Через три минуты Марат не выдержал:

– Слушай, ты… как тебя там?.. «Распакушка»?.. Или «Макушка»?

– «Пак-Мак2000», – с обидой произнес компьютер, и по его голосу было слышно, что синтезатор пытался передать уязвленность.

– Неважно… Ты фигней занимаешься! – рявкнул Марат, прищурив глаза.

Но «Пак-Мак2000» был непреклонен:

– Я – продукт высоких технологий и занимаюсь исключительно научными разработками, а также сопровождаю операции, предназначенные для решения как народнохозяйственных задач, так индивидуальных, например развлекательных, бытовых или профессиональных.

– И что это значит? – зевнул Марат, тянувшись к клавиатуре.

– Возьмем, к примеру, химию, – продолжал компьютер. – Я могу рассчитать массу и значения любых химических элементов. Вот золото…

Марат приподнял голову и зажегся: «Золото?! А это же мне нужно!» – и глаза его засветились так, что экран компьютера казался почти темным рядом с этим магическим блеском.

– Да!

– Серьезно? Золото? – Марат подпрыгнул так, что его шишковатая голова чуть не коснулась потолка, но, к счастью, на этот раз шишку он не набил. Приземлился ровно на ноги и, не теряя времени, схватился руками за монитор, словно тот мог удержать драгоценный металл.

– Говори, что там про золото?! – прорычал гоблин, глаза его сверкали, а дыхание прерывисто уходило в резкие всхлипы. Это было единственное, что его по-настоящему увлекало в этом мире, наряду с жратвой, которую он ел не для удовольствия, а ради ощущения контроля

над добычей: вареные жабы, кроты, воробьи, даже болотные слизни – все становилось вкусным, если Марат считал, что он главный и все принадлежит ему.

«Пак-Мак2000» оживленно стал перечислять данные:

– Золото, или на латинском, «aurum», простой металл, благородный, элемент 11 группы, с атомным номером 79, плотность чистого золота равна 19,32 г/см^3. К слову, шар из чистого золота диаметром 46,237 мм имеет массу 1 кг! Среди металлов по плотности занимает седьмое место после осмия, иридия, платины, рения, нептуния и плутония. Сопоставимую с золотом плотность имеет вольфрам. Твёрдость по шкале Мооса ~2,5, по Бринеллю 220—250 МПа, температура плавления – 1064,18 °С, кипит при 2856 °С…

– Стоп, стоп, стоп! – заорал Марат, подпрыгивая на стуле. – Ты какую фигню несешь?

– Это данные научных исследований! – сердито отозвался компьютер.

– Ты не болтай, а покажи, где это золото! – фыркнул гоблин.

Монитор тут же изменил изображение: на экране засверкало ярко-желтое, почти слитое с солнцем, золото, такое, какое добывают из недр, необработанное, с комками, песком и блестящей крошкой. Глаза Марата загорелись, он потрогал воздух перед экраном, будто мог достать металл руками, и воображение нарисовало себе запах шахтной пыли, горячий металл и звенящий звук падающих слитков.

– А можно увидеть в слитках? – с нетерпением спросил гоблин.

«Пак-Мак2000» трансформировал изображение: теперь на экране лежали аккуратные золотые слитки с отпечатанными знаком качества «999,999», ровные, тяжелые, готовые к хранению в сейфе. Марат завизжал, подпрыгнул на стуле и стал отплясывать нечто среднее между полькой, танго и брейк-дансом: руки сжимались в кулаки, ноги отбивали ритм, а голова моталась из стороны в сторону, излучая счастье от виртуального богатства.

Когда танец закончился, гоблин снова посмотрел на монитор:

– А в золотые монетки можешь превратить?

– Без проблем, – самоуверенно сказал «Пак-Мак2000», и на экране тут же выросли горы золотых монет: динары, доллары, рубли, франки – все они блестели, манили, притягивали взгляд и руки. Пальцы Марата сами потянулись вперед, дрожащие, будто хотели ухватить всё и сразу, но руки уперлись в стекло монитора.

– Эй, что это?! – вскричал гоблин, топнув ногой.

– Что вас не устраивает? – невинно спросил «Пак-Мак2000».

– Где золото?! – зашипел Марат, краснея от злости. – Ты мне его давай!

– Как я его дам, если оно в виртуальной реальности? – спокойно ответил компьютер.

– Где-где?! – Марат зашипел снова, глаза его расширились, руки сжались в кулаки. Он думал, что эта железка просто издевалась над ним и хотела надурить, лишив возможности взять золото в руки. Его возбуждение стало почти физическим, он топал ногами, махал руками, готовый вцепиться в монитор и разорвать на части этот хитрый кусок техники.

«Пак-Мак2000» пояснил, и в его голосе звучали нотки высокомерия и чванства:

– Виртуальная реальность – это искусственный мир, созданный путем математического моделирования и алгоритмов, передаваемый человеку через его органы восприятия – зрение, слух, обоняние и даже осязания. Для полной убедительности процесс происходит в режиме реального времени…

Марат, распахнув глаза во всю ширь, завизжал:

– Ты не суй мне лягушек в уши, не забалтывай! – орал взбешенный гоблин, подпрыгивая на стуле и стуча ногой по полу. – Ты мне золото дай!

– Золото – это сконструированный программой виртуальный объект. Можно его видеть в проекции моего телевизионного воспроизведения, – с ноткой обиды произнес «Пак-Мак2000». – Золотые монеты я воспроизвел с компьютерной игры «Искатели сокровища инков» – самой популярной видеоигры этого сезона. Сейчас вся молодежь играет в нее.

Марат фыркнул, дернул руками и топнул:

– Я не играться хочу, а хочу владеть этим золотом! – его глаза сверкали, а на щеках выступили капельки зелёного пота. – К черту игры! Мне золото нужно!

– Я не могу трансформировать виртуальную реальность в действительную, для этого еще не существуют технологий! – с отчаянной серьёзностью сказал компьютер.

Марат перестал стучать пяткой и начал чесать свою репу, ковыряясь в волосах и покусывая ногти:

– Это значит, что золото, типа, в другом мире?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.